

© Перевод постановления был предоставлен «Правовой инициативой по России» (www.srji.org).
Перевод уже был опубликован в 2009 году на сайте этой организации
(<http://www.srji.org/resources/search/109/>) Разрешение на публикацию перевода было дано
исключительно для его включения в базу HUDOC Европейского Суда.

© This document was provided by the Stichting Russian Justice Initiative (www.srji.org/en/). This translation
was published in 2009 on the website of SRJI. Permission to re-publish this translation has been granted for
the sole purpose of its inclusion in the Court's database HUDOC.

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО “МЕШАЕВА И ДРУГИЕ ПРОТИВ РОССИИ”

(Жалоба №27248/03)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

12 февраля 2009 года

**ВСТУПИЛО В СИЛУ
14 сентября 2009 года**

Текст может быть дополнительно отредактирован.

В деле “Мешаева и другие против России”

Европейский суд по правам человека (Первая секция), Палатой в следующем составе:

- Кристос Розакис, *Президент*,
- Нина Вайич,
Анатолий Ковлер,
- Элизабет Штейнер,
- Ханлар Хаджиев,
- Георгий Николаи,
- Джорджио Малинверни, *судьи*,
- и Серен Нильсен, *Секретарь Секции*,

Заседая 22 января 2009 года за закрытыми дверями,

Вынес следующее постановление, принятое в последний вышеупомянутый день:

ПРОЦЕДУРА

1. Настоящее дело было инициировано жалобой (№27248/03) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со Статьей 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») 16-ию гражданами Российской Федерации, указанными ниже («заявители») 9 июля 2003 года.

2. Заявителей, которые получили оплату расходов на представителей (legal aid), в Европейском Суде представляли юристы "Правовой инициативы по России" (далее - "SRJI"), неправительственной организации с главным офисом в Нидерландах и представительством в России. Правительство Российской Федерации было представлено Г-ном П.Лаптевым и Г-жой В. Милинчук, бывшими представителями Российской Федерации в Европейском суде по правам человека.

3. Заявители жаловались, что их родственники пропали после задержания военнослужащими в Чечне 17 декабря 2002 года. Заявители ссылались на Статьи 2, 3, 5 и 13 Конвенции.

4. 10 апреля 2006 года Президент Первой Секции вынес решение о приоритетном рассмотрении дела в соответствии с Правилем 41 Регламента Суда.

5. Решением от 27 марта 2008 года Суд объявил жалобу приемлемой.

6. Так как после консультаций со сторонами Суд принял решение не проводить слушаний по существу делу (Правило 59 § 3 *мелким шрифтом*), стороны дали письменные ответы на замечания друг друга.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

7. Заявители:

- 1) Г-жа Саламат Магомедсалиевна Мешаева, 1961 года рождения;
- 2) Г-н Лом-Али Ахиядович Мешаев, 1950 года рождения;
- 3) Г-жа Айшат Лом-Алиевна Мешаева, 1975 года рождения;
- 4) Г-жа Петимат Леомаевна Эльмурзаева, 1989 года рождения;
- 5) Г-жа Хеда Леомаевна Мешаева, 1992 года рождения;
- 6) Г-н Хасан Леомаевич Мешаев, 1993 года рождения;
- 7) Г-н Хусейн Лом-Алиевич Мешаев, 1993 года рождения;
- 8) Г-н Мохдан Лом-Алиевич Мешаев, 1974 года рождения;
- 9) Г-н Мухтар Сулейманович Сайдаев, 1971 года рождения;
- 10) Г-жа Жарман Газихаджиевна Сайдаева, 1940 года рождения;
- 11) Г-н Аслан Сулейманович Сайдаев, 1963 года рождения;
- 12) Г-жа Милана Аслановна Сайдаева, 1997 года рождения;
- 13) Г-жа Румиса Джабраиловна Мусаева, 1965 года рождения;
- 14) Г-н Увайс Сулейманович Сайдаев, 1968 года рождения;
- 15) Г-н Ислам Сулейманович Сайдаев, 1983 года рождения;
- 16) Г-н Магомед Увайсович Сайдаев, 2000 года рождения;

8. Заявители проживают в селе Мартан-Чу Урус-Мартановского района Чечни.

А. Задержание родственников заявителей

9. Заявители представляют собой две семьи. Два их родственника были задержаны в ночь с 16 на 17 декабря 2002 года в селе Мартан-Чу Урус-Мартановского района. Оба задержанных с момента задержания пропали без вести, и семьи совместно ведут их поиск.

(а) Задержание Леомы Мешаева

10. Первые восемь заявителей являются родственниками Леомы Ахиятовича Мешаева, 1952 года рождения. Первая заявительница является его женой, второй заявитель - его брат, третий и восьмой заявители приходятся ему племянником и племянницей. Четвертый, пятый, шестой и седьмой заявители – дети пропавшего. Леома Мешаев работал шофером и механиком тракторов. Первая заявительница страдает от ряда хронических заболеваний, ей была присвоена инвалидность третьей группы. Пятая

заявительница, младшая дочь Мешаева, серьезно больна, она признана инвалидом 1-й группы. Заявители утверждают, что Леома Мешаев страдал от туберкулеза. В марте 2003 года глава администрации Мартан-Чу и глава Урус-Мартановской районной администрации подтвердили, что у них не имелось данных, чтобы подозревать Леому Мешаева в участии в деятельности незаконных вооруженных формирований или участии в другой преступной деятельности.

11. Семья Мешаевых проживает в собственном доме, расположенном по адресу: №12, улица Речная в селе Мартан-Чу Урус-Мартановского района. Около 3 часов утра 17 декабря 2002 года группа, состоявшая из 5-7 мужчин в камуфлированной форме, на некоторых из которых также были белые камуфлированные накидки, вошла в дом. Вошедшие были вооружены, в масках и говорили по-русски и по-чеченски.

12. Один из ворвавшихся разбудил Леому Мешаева и сказал ему на чеченском: «Леома, проснись!» Они уложили его на пол и надели на него наручники. Когда один из мужчин направил свой автомат на 9-летнего сына Мешаева, другой сказал ему по-чеченски: «Не трогай детей, они не виноваты». После этого вооруженные мужчины вывели Леому Мешаева из комнаты, не разрешив ему надеть теплую одежду. На нем были только футболка с короткими рукавами, брюки и ему разрешили одеть ботинки.

13. Первая заявительница показала, что она плакала и просила их не уводить ее мужа, что он ничего не сделал. Вооруженные мужчины приказали ей замолчать, пригрозив ей применением огнестрельного оружия. Они забрали с собой паспорт ее мужа, в котором также находились документы на его автомобиль марки «Урал». Когда они выходили из дома, один из ворвавшихся в дом, ударил первую заявительницу прикладом винтовки по голове, в результате чего она ненадолго потеряла сознание. Заявительница запомнила данного человека, она утверждает, что он был низкого роста и полный, в разрезе его маски были видны большие голубые глаза, и он говорил по-русски.

14. Когда первая заявительница пришла в себя, она обнаружила, что мужчины закрыли входную дверь в дом, подставив под нее шкаф. Первая заявительница с трудом открыла дверь и вышла во двор. Военнослужащие пытались завести грузовик ее мужа марки «Урал», однако у них не получилось. После этого они пошли вдоль по улице Свободы по направлению к кладбищу. Первая заявительница побежала за ними, однако они стали стрелять в ее сторону из автоматов с глушителями, так что ей пришлось держаться на расстоянии.

15. Первая заявительница дошла до кладбища, и там она потеряла их из виду. Женщина, проживавшая рядом с кладбищем, сказала ей, что она видела военные транспортные средства – бронетранспортеры (БТР), два грузовика Урал и автомобиль УАЗ, на которых не было номерных знаков, и которые были припаркованы у ее дома. Она также видела группу вооруженных мужчин у описанных автомобилей, загружавших зимние припасы соседей на одно из транспортных средств перед отъездом.

16. Брат Леомы Мешаева, второй заявитель, показал, что рано утром 17 декабря 2002 года он проснулся от плача своей невестки, первой

заявительницы, которая просила помощи и сказала, что увезли его брата. Второй заявитель выбежал из дома на расположенную поблизости центральную улицу, ведущую в Урус-Мартан, и увидел БТР, грузовики Урал и автомобиль УАЗ, переезжавшие через военный блокпост в сторону Урус-Мартана. При свете луны свидетель смог четко рассмотреть, что автомобили на блокпосту не останавливались и не задерживались.

17. Первая и второй заявители подали подробные показания о фактических обстоятельствах происшедшего ночью с 16 на 17 декабря 2002. Заявители также предоставили план-схему села Мартан-Чу с указанием мест, на которые они ссылаются.

18. С той ночи у заявителей нет никаких известий о Леоме Мешаеве.

19. Правительство в своих замечаниях не отрицало факты, представленные заявителями. Оно указывало, что 17 декабря 2002 года неопознанные вооруженные лица в масках вошли в дом заявителей по адресу дом 12, улица Речная в селе Мартан-Чу и задержали Леому Мешаева, местонахождение которого не установлено.

(b) Задержание Бислана Сайдаева

20. Заявители с девятого по шестнадцатый приходятся родственниками Бислану Сулеймановичу Сайдаеву, 1977 года рождения. Девятый, одиннадцатый, четырнадцатый и пятнадцатый заявители являются его братьями. Десятая заявительница - его мать. Двенадцатая заявительница его племянница, шестнадцатый заявитель приходится ему племянником, тринадцатая заявительница является его невесткой. Заявители сообщили, что в ноябре 2005 года одиннадцатый заявитель был похищен неустановленными лицами в магазине в г. Грозный и семья с тех пор не имеет никаких новостей о нем. Заявители не подают жалобы по этому поводу.

21. В марте 2003 года глава администрации Мартан-Чу и глава Урус-Мартановской районной администрации подтвердили, что у них не имелось сведений, дающих подозревать Бислана Сайдаева в участии в деятельности незаконных вооруженных формирований или в совершении преступлений. Заявители утверждают, что за несколько дней до его задержания, Бислан Сайдаев и четырнадцатый заявитель ездили на грузовике Камаз, принадлежавшем четырнадцатому заявителю, в Моздок, Северная Осетия, вместе с военным комендантом села и его подчиненными для сбора новогодних подарков для военнослужащих, дислоцированных в их селе.

22. Семья Сайдаевых живет в собственном доме по улице Свободы в селе Мартан-Чу. В ночь с 16 на 17 декабря 2002 года заявители и их родственники спали у себя дома. Около 3 часов утра группа, состоявшая приблизительно из 30 человек, вошла в дом. Все были вооружены автоматами с глушителями и в масках. На некоторых из них была зеленая или черная камуфляжная форма, а также белые камуфляжные накидки. Они говорили по-русски и по-чеченски. Они ничего не объяснили заявителям, и не предоставили никаких документов. Они стали проверять документы всех мужчин в семье.

23. Десятая заявительница, мать Бислана Сайдаева, показала, что она проснулась ночью и увидела, что комната была заполнена вооруженными военнослужащими. Группа солдат стояла над кроватью Бислана Сайдаева. Они быстро обыскали комнату и приказали Бислану Сайдаеву одеться. Десятая заявительница спросила, почему его уводят, на что военные сказали не беспокоиться. Они также забрали с собой документы, удостоверяющие личность Бислана Сайдаева.

24. Четырнадцатый заявитель, брат Бислана Сайдаева, показал, что рано утром 17 декабря 2002 года он проснулся от направленного на него света фонарей. Ему приказали не двигаться и предоставить документы. Четырнадцатый заявитель показал, где находились документы, военнослужащие проверили их и приказали ему встать с кровати и показать, кто спал в какой комнате. Когда военные уводили его брата, четырнадцатый заявитель спросил их, где родственники могут найти его, однако ответа не получил.

25. Одиннадцатый заявитель, другой брат Бислана Сайдаева, показал, что в ночь на 17 декабря 2002 года он спал со своей семьей в отдельной части дома. Его разбудила около 3 часов утра десятая заявительница, его мать, которая стучала в дверь и сказала, что Бислана забрали. Одиннадцатый заявитель выбежал во двор, его мать показала по направлению к задней части двора, к огороду. Одиннадцатый и четырнадцатый заявители попытались следовать за мужчинами, которые уводили их брата, однако те закричали, чтобы они ушли и сделали несколько выстрелов из автоматов с глушителями, поэтому заявителям пришлось остановиться. Заявители заметили БТР, грузовик Урал и автомобиль УАЗ, припаркованные приблизительно в 200 метрах от их дома, на улице Речной. Машины уехали в направлении Урус-Мартана.

26. Одиннадцатый заявитель показал, что он сразу же обратился в комендатуру села, однако ему не разрешили с кем-либо там переговорить. После этого он встретил односельчанина, Султана М., который подтвердил, что он только что видел конвой, состоящий из БТР, Урала и УАЗа, который пересек военный блок пост из Мартан-Чу в Урус-Мартан.

27. В дополнение к своим подробным показаниям о фактических обстоятельствах происшедшего, заявители предоставили план-схему Мартан-Чу с указанием мест, на которые они ссылаются.

28. С той самой ночи у Заявителей нет никаких известий о Бислане Сайдаеве.

29. Правительство в своих замечаниях не отрицает факты, представленные заявителями. Оно указывает, что было установлено, как 17 декабря 2002 года неопознанные вооруженные лица в масках вошли в дом заявителей по адресу улица Свободы в селе Мартан-Чу, задержали Бислана Сайдаева и скрылись в неизвестном направлении.

В. Поиски Леомы Мешаева и Бислана Сайдаева и расследование

30. Сразу же после задержания членов своей семьи, заявители начали их поиски. Многократно лично и в письменной форме они обращались в

прокуратуры различных уровней, в Министерство внутренних дел, к Специальному Представителю Президента России по Правам Человека в Чечне, в военные комендатуры, в ФСБ, к административным властям, в средства массовой информации и к общественным деятелям. Они также лично посетили места содержания под стражей в Чечне и в ряде мест на Северном Кавказе. Поиски велись преимущественно первый и девятым заявителями, в отношении мужа и брата соответственно.

31. Кроме личных визитов, заявители обращались в прокуратуру и другие государственные органы с письмами. В своих письмах они излагали обстоятельства задержания своих родственников и просили помощи и детальной информации о расследовании. Заявители сохранили копии некоторых писем, отправленных ими властям и ответы, полученные на них.

32. Заявители практически не получили никакой имеющей значение информации о судьбе своего родственника и расследовании уголовного дела. В ряде случаев ими были получены ответы, в соответствии с которыми обращения заявителей были направлены в различные прокуратуры для рассмотрения по существу. Ниже коротко представлены письма, сохранившиеся у заявителей и ответы, полученные ими от властей.

(а) Поиски Леомы Мешаева

33. Заявители утверждают, что в течение ряда недель после задержания Леомы Мешаева они обращались лично в военную комендатуру района, в районное отделение ФСБ, в районный отдел внутренних дел (РОВД) и прокуратуру Урус-Мартановского района (районная прокуратура) с запросами о судьбе своего родственника.

34. В первое время заявители также обращались с письменными жалобами, указывая в них обстоятельства задержания Г-на Мешаева, и просили помощи в его поисках. У них не сохранились копии данных обращений, однако 5 января 2003 года районная прокуратура возбудила уголовное дело №34002 о похищении Леомы Мешаева неустановленными вооруженными лицами в камуфляжной форме, по признакам состава преступления, предусмотренного ст.126 Уголовного Кодекса РФ. Заявители утверждают, что они узнали о возбуждении уголовного дела только 5 марта 2003 года, когда первый и второй заявители были допрошены и признаны потерпевшими по делу.

35. 13 марта 2003 года районная прокуратура проинформировала первую заявительницу о том, что расследование похищения ее мужа приостановлено в связи с неустановлением подозреваемых. В ответ на полученную информацию первая заявительница попросила районного прокурора предоставить ей доступ к материалам дела.

36. 3 апреля 2003 года первая заявительница подала заявление о розыске пропавшего без вести Специальному Представителю Президента России по Правам Человека в Чечне.

37. 18 апреля 2003 года первая заявительница обратилась с письмом в районную прокуратуру и в РОВД с просьбой обеспечить надлежащее расследование по уголовному делу о похищении ее мужа.

38. 21 апреля 2003 года районная прокуратура ответила первой заявительнице, указав, что следствием были предприняты все возможные меры, которые, однако, не привели к установлению виновных в совершении преступления. Ей предлагалось предоставить в прокуратуру любую новую информацию о похищении, которая станет ей известной.

39. 29 апреля 2003 года заявители поместили объявление в газете «Маршо» с описанием обстоятельств задержания своих родственников и просьбой предоставить о них любую информацию.

40. 18 июня 2003 года первая заявительница вновь попросила районного прокурора предоставить ей доступ к уголовному делу. 1 июля 2003 года прокуратура пригласила первую заявительницу для ознакомления с делом.

41. 10 июля 2003 года военный прокурор Объединенной группировки войск (с) (далее – «ОГВ(с)») в Чечне направил жалобу первой заявительницы в военную прокуратуру в/ч 20102 в Ханкале.

42. 28 июля 2003 года военный комендант района проинформировал первую заявительницу о том, что по результатам проведенного внутреннего расследования, было установлено, что сотрудники его комендатуры не принимали участия в задержании ее мужа, и у них нет никакой информации о его местонахождении или личности подозреваемых в его похищении.

43. 30 июля 2003 года первая заявительница обжаловала приостановление предварительного следствия по уголовному делу в прокуратуру Чечни. Она указала на то, что Леома Мешаев, а также Бислан Сайдаев, задержанный в ту же самую ночь той же группой лиц, могли быть задержаны только военными, так как ими использовались военная техника и так как автомобили смогли свободно проехать через блокпосты, несмотря комендантский час. Первая заявительница потребовала возобновить расследование, допросить военнослужащих блокпоста и сотрудников военной комендатуры и других правоохранительных органов о деталях операции, установить и допросить свидетелей среди местных жителей, собрать и подвергнуть экспертизе пули и гильзы, оставленные похитителями после выстрелов в заявительницу, при пресечении ее попытки следовать за ними. В жалобе содержалась просьба провести расследование в срочном порядке, до того, как следы задержанных будут утрачены. Заявитель также попросила объединить расследование данного дела с расследование дела о похищении Бислана Сайдаева.

44. 4 сентября 2003 года районная прокуратура ответила первой заявительнице, указав, что расследование предприняло все возможные меры по раскрытию преступления, однако, виновные не были установлены.

45. 17 ноября 2003 года «Правовая инициатива», действуя от имени первого и девятого заявителей, обратилась с письмом в районную прокуратуру. В письме содержалась просьба проинформировать о статусе расследования по уголовным делам №34002 и №34041, а также объединить предварительное следствие по ним в одно производство и провести эффективное расследование похищений. Копия данного письма была направлена в прокуратуру Чечни.

46. 17 декабря 2003 года прокуратура Чечни ответила «Правовой инициативе» и сообщила, что 10 декабря 2003 года предварительное

следствие по уголовным делам о похищениях Мешаева и Сайдаева было объединено. Следствием предпринимаются меры по установлению виновных и выяснению местонахождения исчезнувших мужчин. В дальнейшем информация будет направлена непосредственно заявителям.

47. 7 июля 2004 года «Правовая инициатива» написала в районную прокуратуру и вновь запросила информацию о ходе расследования.

48. 21 июля 2004 года районная прокуратура ответила «Правовой инициативе», что два уголовных дела были объединены в одно производство №34002 и что 13 декабря 2004 года (как указано в тексте) приостановлено. Были предприняты шаги для раскрытия преступления, но они не привели ни к каким результатам. Розыскные мероприятия по установлению местонахождения двух пропавших мужчин продолжаются.

49. 14 ноября 2005 года «Правовая инициатива» направила запрос в районную прокуратуру с просьбой сообщить о результатах следственных мероприятий по делу и информировать о следующих действиях: установлено ли в чьем распоряжении находилась военная техника, участвовавшая в похищении, была ли обнаружена и изучена вся документация по регистрации передвижения военной техники в районе в указанную ночь, было ли установлено, какие подразделения федеральных сил проводили спецоперацию в районе 17 декабря 2002 года и были ли допрошены по факту похищения Леомы Мешаева и Бислана Сайдаева офицеры федеральных сил, были ли допрошены сотрудники военной комендатуры Урус-Мартановского района, а также другие лица, ответственные за соблюдение комендантского часа.

(б) Поиски Бислана Сайдаева

50. На утро после похищения брата, 17 декабря 2002 года, четырнадцатый заявитель обратился к военному коменданту села. По его словам, комендант сказал ему, что не знал о том, кто задержал его брата. Комендант также сказал ему, что за день до этого, 16 декабря 2002 года, он получил предупреждение о том, что в селе готовится операция, которая, однако, была отменена. Он не проинформировал заявителя о причинах операции и ее отмене. Он также, якобы, пообещал помочь им, если Бислана Сайдаева задержали военные, однако он указал, что не сможет ничего сделать, если Сайдаева задержало ФСБ.

51. Заявители утверждают, что в течение ряда недель после задержания Бислана Сайдаева они обращались лично в военную комендатуру района, в ФСБ, в РОВД и прокуратуру с запросами о судьбе своего родственника. Девятый заявитель также обратилась к Главе Администрации Чечни с просьбой приказать провести надлежащее расследование похищения его брата военнослужащими.

52. Заявители также обращались с письменными жалобами, указывая в них обстоятельства задержания Г-на Сайдаева и просьбой о помощи в его поисках. У них не сохранились копии данных обращений, однако сохранились копии заявлений, поданных в более поздний период. 24 марта 2003 года девятый заявитель подал заявление о возбуждении уголовного дела в районную прокуратуру. Он просил провести расследование

похищения его брата и проинформировать его, если его брат обвинялся в совершении преступления. Он также сослался на предпринятые ранее безуспешные обращения в правоохранительные органы.

53. 6 апреля 2003 года девятый заявитель обратился к депутату Государственной Думы от Чечни и к спикеру Государственной Думы с жалобой на исчезновение брата. Он указал, что обращался в различные правоохранительные органы, однако это не дало никакого результата. Девятый заявитель просил Думу о создании комиссии для расследования «исчезновений» в Чечне.

54. 11 апреля 2003 года районная прокуратура проинформировала девятого заявителя о том, что ими было возбуждено уголовное дело о похищении его брата.

55. 23 апреля 2003 года девятый заявитель был признан потерпевшим по уголовному делу №34041, возбужденному в связи с похищением его брата неустановленными лицами.

56. 5 мая 2003 года десятый, одиннадцатый, четырнадцатый и пятнадцатый заявители попросили районную прокуратуру признать их потерпевшими по уголовному делу о похищении их сына и брата. Остается неясным, были ли они признаны потерпевшими по делу.

57. 10 июня 2003 года районная прокуратура проинформировала девятого заявителя о том, что 10 июня 2003 года предварительное следствие по уголовному делу №34041, возбужденному 10 апреля 2003 года, было приостановлено в связи с неустановлением виновных. Заявителя проинформировали о возможности обжалования.

58. 17 июня 2003 года военный прокурор в/ч 20102 направил жалобу девятого заявителя в районную прокуратуру, указав, что нет оснований подозревать участие военных в данном похищении.

59. 28 июля 2003 года девятый заявитель обжаловал постановление о приостановлении предварительного следствия по уголовному делу в прокуратуру Чечни. Он указал на то, что его брат мог быть задержан только военными, потому что ими использовалась военная техника и так как транспортные средства могли свободно проехать через блокпосты, несмотря на наличие комендантского часа. Девятый заявитель потребовал возобновить расследование, допросить военнослужащих на блокпосту, сотрудников военной комендатуры и других правоохранительных органов о деталях операции, установить и допросить свидетелей среди местных жителей, собрать и подвергнуть экспертизе пули и гильзы, оставленные похитителями после выстрелов в одиннадцатого и четырнадцатого заявителей при пресечении их попытки следовать за задержанными. В жалобе содержалась просьба провести расследование в срочном порядке, до того, как следы Бислана Сайдаева будут утрачены.

60. 9 августа 2003 года прокуратура Чечни направила жалобу девятого заявителя районную прокуратуру.

61. 29 сентября 2003 года девятый заявитель обратился в районную прокуратуру с просьбой предоставить ему доступ к материалам приостановленного уголовного дела о похищении его брата.

С. Информация, предоставленная Правительством

62. В своих замечаниях Правительство не оспаривало информацию относительно расследования, как она была представлена заявителями. Ссылаясь на данные Генеральной прокуратуры, оно указало на другие меры, которые не были упомянуты заявителями. Однако, несмотря на специальный запрос Суда, копии большинства документов, на которые оно ссылается, представлены не были (см. далее). Правительство сообщило следующее.

63. 5 января 2003 года районной прокуратурой возбуждено уголовное дело №34002 по факту похищения 17 декабря 2002 года Леомы Мешаева. В заключении, подготовленном 21 июня 2006 года исполняющим обязанности прокурора Урус-Мартановского района, говорится: «в ходе расследования в качестве основной отработывалась версия причастности к совершению преступления силовых структур и подразделений».

64. 8 января 2003 года первая заявительница была допрошена и признана потерпевшей. Она была допрошена еще несколько раз. Она показала, что в ночь с 16 на 17 декабря 2002 года примерно пять человек в камуфлированной одежде, говорившие на русском и чеченском языках ворвались в ее дом и похитили мужа. Второй заявитель был допрошен 8 января 2003 года и дал похожие показания; однако, он сообщил, что похитителей было около 10 человек.

65. 10 апреля 2003 года районная прокуратура возбудила уголовное дело №34041 по факту похищения Бислана Сайдаева 17 декабря 2002 года.

66. По мнению Правительства, 23 апреля 2003 года потерпевшим по делу был признан девятый заявитель. В ходе допроса он показал, что 17 декабря 2002 года около 12 часов он вернулся из г. Грозного и узнал от своего брата, четырнадцатого заявителя, что около 3 часов ночи в их дом проникли неизвестные вооруженные лица и похитили его другого брата Бислана Сайдаева. Аналогичные показания в неуказанное время дали десятый и пятнадцатый заявители.

67. Правительство указывает на то, что другие родственники Бислана Сайдаева, в частности, десятый, четырнадцатый и пятнадцатый заявители ходатайствовали о признании потерпевшими по делу о его похищении, но не получили сведений об удовлетворении их ходатайств.

68. 13 декабря 2003 года расследование двух уголовных дел было объединено в одно производство под номером 34001.

69. Правительство предоставило Суду только одно заявление очевидца, сделанное первой заявительницей и датированное 23 июня 2006 года, в котором описывались обстоятельства задержания ее мужа и факт того, что ее ударил в лицо один из похитителей. Другие показания представлены не были.

70. В своих замечаниях Правительство ссылается на показания свидетеля Г. от 10 декабря 2003 года, согласно которым ночью 16 декабря 2003 года (должно быть имеется в виду 2002 год) у него похитили большую часть дров, которые он заготавливал для топки печи. Он видел недалеко от своего дома следы от тяжелой военной техники, такой как БТР или УРАЛ. 23 июня 2006 года прокуратура постановила не возбуждать уголовное дело по данному факту в связи с истечением срока давности.

71. Правительство указывает, что утверждения заявителей о том, что их родственники были задержаны военнослужащими федеральных сил, в ходе расследования не подтвердились. Заявители не запомнили особенностей одежды, вооружения и символики на обмундировании похитителей.

72. Правительство также утверждает, что в ходе следствия доводы первой заявительницы о том, что вооруженные люди применили к ней насилие во время задержания ее мужа, так как в ходе неоднократных допросов в ходе следствия она и другие свидетели ничего об этом не сообщали. Из показаний первой заявительницы следует, что вооруженные люди забрали с собой паспорт ее мужа. Правительство сообщает Суду, следствием отказано в возбуждении дела по данному факту в связи с истечением сроков давности уголовного преследования. В заключении, Правительство оспаривает тот факт, что Леома Мешаев состоял на учете в районном туберкулезном диспансере, вопреки утверждениям заявителей об имеющемся у него заболевании.

73. По мнению Правительства, в ходе расследования неоднократно запрашивалась информация о задержании двух мужчин в различных правоохранительных органах. В неуказанное время военная комендатура района, отдел Управления ФСБ в Урус-Мартановском районе и другие «силовые подразделения» сообщали, что они не располагают информацией о проведении спецоперации в названную ночь в селе Мартан-Чу. Эти подразделениями не задерживались Леома Мешаев и Бислан Сайдаев. Правоохранительными органами Чечни указанные лица не задерживались, уголовные дела в отношении их не возбуждались. Расследование не было установлено местонахождение Мешаева и Сайдаева. Запросы информации, сделанных следствием в 2007 и 2008 годах, не дали никаких результатов.

74. Как следует из документов, представленных Правительством, предварительное следствие по делу приостанавливалось и возобновлялось несколько раз. Заявители в некоторых случаях информировались о ходе следствия. Согласно Правительству, расследование находилось под контролем Генеральной прокуратуры.

75. Несмотря на конкретные запросы, сделанные Судом трижды, Правительство не предоставило ни один из материалов уголовного дела № 34002. Основываясь на информации, полученной из Генеральной прокуратуры, Правительство заявило, что расследование продолжается, и выдача документов будет являться нарушением ст. 161 Уголовно-процессуального Кодекса России, так как в деле содержится информация военного характера и личные данные о свидетелях или других участниках уголовного процесса.

Д. Обжалование незаконных действий сотрудников правоохранительных органов

76. 6 апреля 2006 года первый и девятый заявители подали жалобу в Урус-Мартановский городской суд (далее - «городской суд») на действия (бездействия) сотрудников районной прокуратуры, которые не провели эффективного расследования исчезновения и с требованием разрешить ознакомиться с материалами уголовного дела.

77. 4 мая 2005 года городской суд частично удовлетворил жалобу на действия (бездействие) работников прокуратуры в части непроведения эффективного расследования похищения. Суд постановил, что районная прокуратура должна возобновить расследования и провести необходимые следственные мероприятия по требованиям заявителей, а именно допросить жителей села Мартан-Чу и военнослужащих блокпоста, расположенного на дороге по направлению к городу Урус-Мартан, которые несли службу в ночь 17 декабря 2002 года. Городской суд, сославшись на то, что предварительное расследование по уголовному делу приостановлено, пришел к выводу о том, что жалоба заявителей в части обеспечения им доступа к материалам дела, удовлетворению не подлежит. 7 июля 2005 года Верховный Суд Чеченской республики оставил без изменения это постановление.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

78. Обзор соответствующего национального законодательства см. в деле *Akhmadova and Sadulayeva v. Russia*, no. 40464/02, § 67-69, 10 мая 2007.

ПРИМЕНЯЕМЫЕ НОРМЫ ПРАВА

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА

A. Доводы сторон

79. Правительство утверждало, что жалобу следует признать неприемлемой из-за исчерпания внутригосударственных средств. Оно утверждало, что расследование по делу исчезновения Леомы Мешаева и Бислана Сайдаева еще не окончено. Оно также утверждало, что заявители имели возможность обжаловать действия или бездействия органов следствия или других правоохранительных органов, но они не воспользовались этим средством должным образом. Оно также утверждало, что заявители могли предъявить гражданский иск в суд, однако также не воспользовались этим правом.

80. Заявители оспорили это возражение. Они сослались на другие схожие дела, рассматриваемые Судом, и заявили, что не были обязаны подавать гражданский иск в суд в порядке исчерпания внутренних средств защиты. Они утверждали, что расследование уголовного дела оказалось неэффективным, и это, по их мнению, делало все их жалобы, в том числе напрасными.

B. Оценка суда

81. В настоящем деле Суд не принял на стадии приемлемости никакого решения относительно исчерпания внутригосударственных средств защиты,

сочтя этот вопрос тесно связанным с существом дела. Далее Суд приведет свою оценку аргументов сторон в свете положений Конвенции и соответствующей практики Суда (см. их обобщенное изложение в деле *Estamirov and Others v. Russia*, no. 60272/00, § 73-74, 12 октября 2006).

82. Суд обращает внимание, что российская правовая система предусматривает, в принципе, два пути обращения за помощью для жертв незаконных и преступных действий Государства или его агентов, а именно, гражданские и уголовные средства защиты.

83. Что касается гражданского иска, Суд уже решил во множестве подобных дел, что эта процедура сама по себе не может быть расценена как эффективное средство в контексте жалоб, поданных по Статье 2 Конвенции. (см. *Khashiyev and Akayeva v. Russia*, № 57942/00 и №57945/00, §§ 119-121, 24 февраля 2005, и *Estamirov and Others*, цит. выше, § 77). В свете этого, Суд заключает, что заявители не были обязаны использовать гражданский иск. Таким образом, предварительное возражение в этом отношении отклонено.

84. Что касается средств защиты уголовного права, Суд указывает, что заявители жаловались в правоохранительные органы после похищения Леомы Мешаева и Бислана Сайдаева на то, что расследование затягивается. Заявители и Правительство спорят по вопросу эффективности этого расследования.

85. Суд считает эту часть предварительных возражений Правительства вызывающей сомнения с точки зрения эффективности расследования уголовного дела, что тесно связано с существом жалоб заявителей. Поэтому Суд полагает, что данные вопросы должны быть рассмотрены ниже в свете материальных положений Конвенции.

II. ОЦЕНКА СУДОМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И УСТАНОВЛЕНИЕ ФАКТОВ

A. Доводы сторон

86. По мнению заявителей, вне разумного сомнения, что мужчины, которые увели Леому Мешаева и Бислана Сайдаева были представителями государства. Два их родственника были задержаны одну ночь при похожих обстоятельствах военнослужащими, которые проводили спецоперацию. В селе в эту ночь видели военную технику. Более того, похитители прибыли поздно ночью, что означает, что они имели право свободно передвигаться во время комендантского часа. Заявители утверждали, что в виду отсутствия известий об их родственниках в течение столь длительного периода, можно предположить, что они мертвы. Это предположение поддерживается также обстоятельствами похищения, которые можно определить как угрожающие жизни. Заявители указывали на отказ Правительства представить копии материалов уголовного дела №34002 в связи с тем, что они «содержат информацию военного характера относительно расположения и характера действий войсковых частей и спецслужб».

87. Правительство заявило, что было установлено, что 17 декабря 2002 года неизвестные вооруженные люди задержали Леому Мешаева и Бислана Сайдаева в их домах. Расследование дела продолжается, и нет никаких

доказательств, что именно представители Государства причастны к этому задержанию и предполагаемому нарушению прав заявителей. Правительство также указало, что нет доказательств того, что родственники заявителей мертвы, так как их местонахождение не было установлено и его тела не были обнаружены. Правительство также указывает, что основным аргументом заявителей в доказательство причастности представителей Государства было то, что похитители были одеты в камуфляжную форму и использовали автоматическое оружие. Правительство утверждало, что и камуфлированная форма и огнестрельное оружие были легко доступны военизированным группам. Кроме того, каких-либо детальных описаний людей заявители не дали. А именно, не было никаких знаков отличия, которые могли бы помочь установить, к каким конкретно войскам принадлежали указанные лица, если они на самом деле были военнослужащими. Правительство ссылалось на некоторые документы в отношении членов незаконных вооруженных группировок в Чечне, которые совершали преступления в камуфлированной форме и с удостоверениями представителей силовых структур и других органов.

88. Правительство также усомнилось в правдоподобности показаний заявителей относительно обстоятельств похищения их родственников и насчет того, что они видели военную технику. Оно указало, что расхождения в показаниях, направленных в Суд и сделанных заявителями перед внутренними органами власти.

В. Статья 38 § 1 (а) и последующие выводы, сделанные Судом

89. Суд неоднократно повторял, что Договаривающееся Государство обязано предоставить Суду все необходимые материалы и что отказ Правительства предоставить такую информацию, которая находится в его руках, без удовлетворительного объяснения, может не только исказить картину выводов в сторону формальной правильности утверждений заявителей, но и отрицательно отразиться на показателе соответствия Государства-ответчика требованиям Статьи 38 § 1 (а) Конвенции (см. *Timurtaş v. Turkey*, no. 23531/94, § 66, ECHR 2000-VI).

90. В настоящем деле заявители утверждали, что их родственники были незаконно арестованы властями и затем исчезли. Они также утверждали, что не было проведено надлежащее расследование. Ввиду этих утверждений, Суд попросил Правительство предоставить материалы уголовного дела, возбужденного по факту похищения. Доказательства, содержащиеся в нем, были расценены Судом как необходимые для установления фактов настоящего дела.

91. Правительство подтвердило существенные факты, как они были представлены заявителями. Но оно отказалось предоставить материалы уголовного дела, ссылаясь на Статью 161 УПК РФ. Правительство также указало на то, что процедура Суда не может гарантировать конфиденциальности представленных материалов в отсутствие санкций в отношении заявителей за раскрытие секретной информации. Правительство сослалось на Римское Постановление Международного Уголовного Суда от

17 июля 1998 года (Статьи 70 и 72) и Постановление Международного Уголовного Трибунала по бывшей Югославии (Статьи 15 и 22) и заявило, что эти документы предоставлены под личную ответственность в нарушение законов о конфиденциальности и изложило подробную процедуру предварительного рассмотрения свидетельских показаний.

92. Суд отмечает, что Правило 33 § 2 Правил Суда допускает ограничение принципа публичности в отношении подаваемых в Суд документов по законным основаниям, таким, как защита национальной безопасности и частной жизни сторон, а также интересы правосудия. Суд не может установить, содержали ли материалы уголовного дела, в действительно, информацию такого рода, так как Правительство не просило о применении данного Правила по названной жалобе, и обязательство конфиденциальности является существенной частью такого запроса.

93. Кроме того, положения двух международных судов, на которые ссылается Правительство, действуют в отношении уголовного преследования международных преступников, где вышеуказанные трибуналы имели юрисдикцию рассматривать нарушения в отношении их судопроизводства. Суд замечает, что уголовно-правовые обязательства отличаются от международно-правовой ответственности согласно Конвенции. Компетенция Суда заключена в последнем и основана на его собственных положениях, которые изложены и заявлены целями Конвенции и в освещены в соответствующих принципах международного права (см. *mutatis mutandis*, *Avşar v. Turkey*, no. 25657/94, § 284, ECHR 2001-VII).

94. Далее Суд отмечает, что он уже устанавливал в целом ряде своих постановлений, что положения Статьи 161 УПК не запрещают предоставление кому-либо документов по делу до окончания следствия, но устанавливают порядок и ограничения такого раскрытия информации (см. *Mikheyev v. Russia*, no. 77617/01, § 104, от 26 января 2006 года, и *Imakayeva v. Russia*, no. 7615/02, § 123, ECHR 2006 ... (выдержки)). По этим причинам Суд считает объяснения Правительства недостаточными для обоснования отказа раскрыть ключевую информацию, запрашиваемую Судом.

95. Ссылаясь на важность сотрудничества Государства-ответчика с Судом в ходе рассмотрения жалоб на предполагаемые нарушения Конвенции, Суд отмечает, что в данном случае имеет место нарушение предусмотренного Статьей 38 § 1 (а) Конвенции обязательства предоставления Суду всех материалов, необходимых для установления фактов.

С. Оценка фактов Судом

96. Суд ссылается на ряд выработанных им общих принципов относительно установления фактов в случае спора и, в особенности, в случае заявлений об исчезновении в контексте Статьи 2 Конвенции (краткое описание этих принципов см. в решении по делу *Bazorkina v. Russia*, №69481/01, §§ 103-109, от 27 июля 2006 года). Суд также отмечает, что необходимо принять во внимание поведение Сторон при сборе доказательств (см. *Ireland v. the United Kingdom*, постановление от 18 января

1978, Series A № 25, стр. 64-65, § 161). В свете этого и с учетом вышеназванных принципов Суд считает, что из поведения Правительства можно сделать выводы относительно обоснованности утверждений заявителей. Поэтому Суд переходит к рассмотрению ключевых элементов настоящего дела, которые должны быть приняты во внимание при установлении того, следует ли считать родственников заявителей умершими и можно ли отнести их смерть на счет действий властей.

97. Заявители утверждали, что именно военнослужащие убили Леому Мешаева и Бислана Сайдаева 17 декабря 2002 года и затем убили их.

98. Правительство настаивало на том, что лица, похитившие Леому Мешаева и Бислана Сайдаева, были членами незаконных бандформирований. Однако это утверждение не было подтверждено никакими материалами. Суд подчеркивает, что оценка доказательств и установление фактов является задачей Суда, и на него возлагается обязанность оценить доказательственную значимость представленных документов (см. *Zelikbilek v. Turkey*, № 27693/95, § 71, 31 м 2005).

99. Суд указывает, что версия заявителей подтверждена показаниями свидетелей, собранными самими заявителями и следствием. Заявители подтвердили, что похитители действовали таким же образом, как при проведении спецоперации: они прибыли большой группой, проверяли паспорта местных жителей, говорили между собой и с жителями на русском языке, забрали с собой двух человек вместе с их документами. Некоторые свидетели ссылались на использование военных машин, таких как БТРы, которые не могут быть использованы членами бандформирований (см., например, пункты 16, 25 и 26 выше). В своих жалобах властям заявители последовательно указывали, что их родственники были задержаны неизвестными военнослужащими и просили следствие предпринять все возможные меры для их розыска. Таким образом, Суд не имеет возможности оценить их достоверность.

100. Правительство усомнилось в достоверности показаний заявителей, касающихся обстоятельств задержания и в том, что была замечена военная техника, так как имелись расхождения в информации, поданной Суду и внутренним органам. Что касается показаний, сделанных в ходе внутреннего расследования, как указывалось выше, то Правительство не представило копии допросов, за исключением дополнительных показаний первой заявительницы от 23 июня 2006 года. Так или иначе, с точки зрения Суда, тот факт, что в течение нескольких лет воспоминания заявителей о событии, имеющем чрезвычайно болезненное и стрессовое воздействие, имели незначительные различия в деталях, по сути, не является достаточным, чтобы сомневаться в правдивости их показаний, тем более, что они подтверждаются другими доказательствами, полученными в ходе расследования (см. пункт 70 выше).

101. Суд замечает, что в случаях, когда заявитель представляет доказательства, достаточные при отсутствии опровержения (*prima facie*), и Суд не может сделать выводов о фактах дела вследствие отсутствия таких документов, Правительство должно предоставить объяснения, почему запрашиваемые документы не могут служить доказательством утверждений,

сделанных заявителями, или обеспечивать удовлетворительное и убедительное объяснение того, как рассматриваемые события произошли. Бремя доказывания, таким образом, переходит к Правительству, и если оно терпит неудачу в своих аргументах, возникнут вопросы по Статье 2 и/или Статье 3 (см *Toğcu v. Turkey*, no. 27601/95, § 95, 31 мая 2005, и *Akkum and Others v. Turkey*, no. 21894/93, § 211, ECHR 2005 II).

102. Принимая во внимание вышеупомянутые элементы, Суд удовлетворен, что заявители представили доказательства, достаточные при отсутствии опровержения, что их родственники были задержаны Государственными служащими. Заявление Правительства, что следствие не нашло никаких доказательств причастности спецслужб к похищению, недостаточно, чтобы освободить его от вышеупомянутого бремени доказывания. Делая выводы из отказа Правительства представить документы, которые были в их исключительном владении или предоставить другое убедительное объяснение рассматриваемых событий, Суд, полагает, что Леома Мешаев и Бислан Сайдаев были арестованы 17 декабря 2002 года в их домах в селе Мартан-Чу представителями Государства в ходе спецоперации.

103. О родственниках заявителей не было никаких известий с 17 декабря 2002 года. Их имена не значатся в официальных списках задержанных. Наконец, Правительство не представило никаких объяснений того, что с ними случилось после задержания.

104. Суд, принимая во внимание рассмотренные ранее дела, предполагает, что феномен «исчезновений» хорошо известен в Чечне (см. среди прочего, *Bazorkina*, цит. выше; *Imakayeva*, цит. выше; *Luluyev and Others v. Russia*, no. 69480/01, ECHR 2006-XIII; *Baysayeva v. Russia*, no. 74237/01, 5 апреля 2007; *Akhmadova and Sadulayeva*, цит. выше; и *Alikhadzhiyeva v. Russia*, no. 68007/01, 5 июля 2007). Суд считает, что в контексте конфликта в Чеченской Республике, если кого-то задерживают неустановленные военнослужащие, а затем факт задержания не признается, это можно рассматривать как угрожающую жизни ситуацию. Отсутствие Леомы Мешаева и Бислана Сайдаева или каких-либо вестей о нем в течение более шести лет подтверждает это предположение. По указанным выше причинам Суд считает установленным с достаточной долей достоверности, что они должны быть признаны умершими после безвестного задержания военнослужащими Государства.

105. Суд уже отмечал выше, что невозможно установить результаты внутреннего расследования, так как Правительство отказалось раскрыть материалы уголовного дела. Однако, очевидно, что следствие не только не смогло установить личности виновных в преступлении. Более того, в делах об исчезновениях, Суд нашел, в частности, предосудительным, что не было проведено всестороннее расследование фактов внутренней прокуратурой или судом. Несколько документов уголовного дела, представленных Правительством, не показывают, то какое-либо продвижение по делу было предпринято в течение нескольких лет и, таким образом, демонстрируют незавершенность и неадекватность процесса. Более того, такое поведение прокуратур и других правоохранительных органов после уведомления их

заявителями о похищении родственников сыграло ключевую роль в исчезновении, так как необходимые меры не были предприняты в первые же дни и недели после задержания, или позднее. Поведение властей перед лицом конкретных жалоб заявителей дает повод обоснованно предполагать, по крайней мере, попустительство преступлению и заставляет закономерно сомневаться в объективности расследования.

106. По указанным выше причинам Суд считает установленным вне разумных сомнений, что Леома Мешаев и Бислан Сайдаев должны быть признаны умершими после безвестного задержания сотрудниками Государства.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

107. Заявители жаловались на нарушение Статьи 2 Конвенции в связи с тем, что их родственники исчезли после задержания российскими военнослужащими, а государственные органы не провели эффективного расследования данного дела. Статья 2 гласит:

“1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

(а) для защиты любого лица от противоправного насилия;

(b) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;

(с) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа».

A. Предполагаемое нарушение права на жизнь в отношении Леомы Мешаева и Бислана Сайдаева

108. Судом уже установлено, что родственники заявителей должны считаться умершими после безвестного задержания представителями Государства, и что за их смерть ответственно Государство. В отсутствие какого-либо оправдания применения средств поражающей силы агентами Государства, Суд делает вывод, что имеет место нарушение статьи 2 Конвенции в отношении Леомы Мешаева и Бислана Сайдаева.

B. Предполагаемая неадекватность расследования обстоятельств похищения

109. Заявители утверждали, что расследование данного дела не было незамедлительным и эффективным, как того требует Статья 2 Конвенции. Они сообщили, что следствие было возбуждено несвоевременно, что таким образом исполнение основных мероприятий было затянато, а также заявители не были должным образом уведомлены о ходе расследования.

Они утверждали, что факт проведения расследования в течение такого длительного периода без каких-либо значимых результатов также доказывает его неэффективность. Заявители призвали Суд сделать соответствующие выводы из отказа Правительства представить материалы уголовного дела им или Суду.

110. Правительство утверждало, что расследование исчезновения родственника заявителей соответствовало требованиям Конвенции об эффективности расследования, равно как и были предприняты все предусмотренные национальным законодательством меры для установления исполнителей преступления. Правительство указало, что первый и девятый заявители были признаны потерпевшими и имели возможность действительно участвовать в ходе расследования.

111. Суд много раз указывал, что обязанность защищать право на жизнь в соответствии со Статьей 2 Конвенции означает, что должно быть проведено эффективное официальное расследование в какой-либо форме всех случаев гибели людей в результате применения силы. Судом выработан ряд руководящих принципов, которые должны быть соблюдены при проведении расследования, чтобы оно соответствовало требованиям Конвенции (см. обобщенное изложение этих принципов в деле *Bazorkina v. Russia*, цит. выше, §§ 117-119).

112. Суд сразу же отмечает, что Правительством не были предоставлены материалы уголовного дела. Поэтому Суду придется оценивать эффективность расследования на основании тех немногих документов, которые были предоставлены сторонами, и информации о ходе следствия, которую сообщило Правительство.

113. Обращаясь к фактам дела, уже установлено, что заявители немедленно сообщили властям о преступлении, но расследование по факту похищения Леомы Мешаева было возбуждено 5 января 2003 года, а расследование похищения Бислана Сайдаева было возбуждено 10 апреля 2003 года. Не смотря на то, что оба преступления были совершены в одну ночь и все данные указывали на то, что к ним причастна одна и та же группа людей, расследования двух дел были объединены только в декабре 2003 года. Эти отсрочки сами по себе подрывают эффективность следствия по такому преступлению, как похищение при угрожающих жизни обстоятельствах, где важнейшие действия должны были быть предприняты в первые дни после событий.

114. Суд также отмечает, что только первая и второй заявители были допрошены в январе 2003 года. Девятый заявитель дал показания только в апреле 2003 года. Первая и девятый заявители были признаны потерпевшими по уголовному делу в январе и апреле 2003 года соответственно. В декабре 2003 года расследование установило и допросило одного жителя села, который видел следы от военной техники и у которого также пропали дрова в ночь похищения.

115. Очевидно, что эти следственные меры могли дать реальный результат лишь в том случае, если бы были предприняты сразу после сообщения властям о преступлении и возбуждения уголовного дела. Задержка с их производством, которой в данном случае нет объяснений, не

только демонстрирует нежелание государства действовать по собственной инициативе, но является нарушением обязательства соблюдать максимальную добросовестность и оперативность в борьбе с такими серьезными преступлениями (см. *Paul and Audrey Edwards v. the United Kingdom*, №46477/99, § 86, ECHR 2002-II).

116. Некоторые существенные действия не были проведены. Из материалов не явствует, что следствие пыталось установить и допросить кого-либо из военнослужащих, которые, по свидетельствам очевидцев, дежурили на блокпосте, а также установить тех, кто проводили эту операцию в селе Мартан-Чу в указанную ночь.

117. Суд также отмечает, что хотя двое заявителей были признаны потерпевшими по уголовному делу, их информировали только о приостановлении и возобновлении расследования и не уведомляли о других важных решениях. Это означает, что следователи отказались обеспечить должный уровень общественного контроля за расследованием или гарантировать легитимность интересов родственников потерпевшего по делу.

118. В заключение, Суд отмечает, что следствие приостанавливалось и возобновлялось несколько раз, и существовал длительный период бездействия, когда никакие мероприятия по делу не проводились.

119. Правительство настаивало на том, что у заявителей имелась возможность потребовать судебной проверки в ходе исчерпания внутригосударственных средств защиты. Суд отмечает, что в мае 2005 года городской суд Урус-Мартана частично удовлетворил жалобу первого и девятого заявителей на бездействия сотрудников прокуратуры. Однако заявителям было отказано в доступе к материалам уголовного дела и, будучи не информированными о ходе расследования, заявители не могли эффективно оспаривать действия или бездействия следственных органов перед судом. Более того, Суд обращает внимание, что эффективность расследования была подорвана уже на ранних стадиях следствия отказом властей предпринять необходимые и срочные следственные мероприятия; весьма сомнительно, что какие-либо средства могли бы быть успешными в таком случае. Поэтому Суд считает, что упомянутые Правительством средства уголовно-правовой защиты были неэффективными при таких обстоятельствах и отклоняет предварительное возражение, касающееся не исчерпания заявителями внутренних средств защиты с точки зрения уголовного расследования.

120. В свете вышесказанного, Суд заключает, что власти не провели тщательного и эффективного расследования обстоятельств исчезновения Леомы Мешаева и Бислана Сайдаева в нарушение Статьи 2 в ее процессуальной части.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

121. Заявители также утверждали, ссылаясь на Статью 3 Конвенции, что в результате исчезновения их родственников и не проведения Государством

добросовестного расследования этих событий они испытывали душевные страдания. Статья 3 гласит:

"Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию".

122. Суд отмечает, что вопрос, является ли член семьи "исчезнувшего человека" жертвой унижительного обращения в нарушение Статьи 3, будет зависеть от существования специальных факторов, которые определяют размер и характер страдания заявителей, отличный от эмоционального переживания, которое может расцениваться как причинение родственникам жертвы серьезного вреда нарушением прав человека. Важные элементы включают близость семейной связи, специфические обстоятельства отношений, характер свидетельств, которые дал член семьи-свидетель рассматриваемого события, степень участия члена семьи в попытках получить информацию об исчезнувшем человеке и меры, принятые властями по данному запросу. Суд далее подчеркивает, что сущность такого нарушения главным образом не определяется фактом "исчезновения" члена семьи, а скорее реакцией властей, их отношением к ситуации, когда описание этих событий доводится до их внимания. Особенно, в соответствии с последним положением, когда родственник может утверждать непосредственно, что был жертвой поведения властей (см. *Orhan v. Turkey*, по. 25656/94, цит. выше § 358).

123. В настоящем деле Суд отмечает, что первый, второй и с четвертого по седьмой заявители - это жена, брат и дети Леомы Мешаева. Девятый, десятый, одиннадцатый, четырнадцатый и пятнадцатый заявители — братья и мать Бислана Сайдаева. Большая часть этих заявителей были очевидцами похищений. В течение шести лет они не получали никаких известий о пропавших. В течение этого периода заявители лично и письмами обращались в различные официальные органы с запросами о членах их семей. Несмотря на предпринятые ими усилия, заявители ни разу не получили правдоподобного объяснения или информации о том, что произошло с членом их семьи после задержания. В ответах, полученных заявителями, по большей части отрицалась ответственность Государства за исчезновение их родственника либо просто сообщалось, что следствие по делу продолжается. Непосредственное отношение к вышесказанному имеют и выводы Суда относительно процессуальной части Статьи 2.

124. В свете вышеизложенного Суд считает, что первый, второй и с четвертого по седьмой заявители, а также девятый, десятый, одиннадцатый, четырнадцатый и пятнадцатый заявители испытывали и продолжают испытывать эмоциональный стресс и моральные страдания в результате исчезновения членов их семей и неспособности выяснить, что с ними произошло. То, как власти реагируют на их жалобы, следует считать равносильным бесчеловечному обращению, нарушающему Статью 3.

125. В отношении жалоб по Статье 3, касающихся третьего, восьмого, двенадцатого, тринадцатого и шестнадцатого заявителя, Суд отмечает, что их родственные связи с исчезнувшими лицами являются слишком далекими. Ничто не демонстрирует, что какие-либо особые соображения, перечисленные выше в пункте 123, применимы к этим заявителям. В таком

случае, принимая во внимание, что события 17 декабря 2003 года могли быть причиной значительного переживания для этой группы людей, Суд, тем не менее, не может признать, что степень их душевного страдания была достаточно серьезной и достигала уровня эмоционального стресса подпадающего под нарушение Статьи 3 Конвенции.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

126. Далее заявители утверждали, что Леома Мешаев и Бислан Сайдаев были задержаны в нарушение гарантий по Статье 5 Конвенции, которая в соответствующей части гласит:

“1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:...

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

...

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом (с) пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию”.

127. Суд считает установленным, что Леома Мешаев и Бислан Сайдаев были задержаны агентами Государства 17 декабря 2002 года и отсутствуют с тех пор. Их задержание не было признано властями и не было зарегистрировано в каких-либо записях о содержащихся под стражей лицах, а официальных сведений об их дальнейшем местонахождении и судьбе не имеется. Также отмечалось, что не признаваемое властями задержание лица является полным отрицанием названных гарантий и серьезнейшим нарушением Статьи 5 (see *Çiçek v. Turkey*, no. 25704/94, § 164, 27 February 2001, and *Luluyev and Others*, cited above, § 122).

128. Следовательно, Суд считает, что Леома Мешаев и Бислан Сайдаев подверглись неизвестному задержанию и были лишены гарантий, предусмотренных Статьей 5. Это является чрезвычайно серьезным нарушением права на свободу и безопасность, гарантированного Статьей 5 Конвенции.

VI. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

129. Заявители жаловались, что были лишены эффективных средств защиты в отношении вышеупомянутых нарушений, что противоречит Статье 13 Конвенции, которая гласит:

"Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве".

130. Правительство возразило, что в распоряжении заявителей имелись эффективные средства правовой защиты и что власти не препятствовали праву заявителей воспользоваться такими средствами. Оно сослалось на Статью 125 Уголовного Кодекса, дающую участникам уголовного процесса право обжаловать действия суда в рамках расследования. Это считалось эффективным средством, гарантирующим права заявителей. Заявители также не воспользовались правом подать гражданский иск с требованием компенсации причиненного ущерба.

131. Суд напоминает, что при обстоятельствах, подобных обстоятельствам настоящего дела, когда расследование по делу, возбужденному по факту насильственной смерти, было неэффективным, из-за чего была подорвана эффективность любого другого имеющегося средства, включая гражданский иск, Государство не выполнило своих обязательств в рамках Статьи 13 Конвенции (см. *Khashiyev and Akayeva*, цит. выше, § 183)

132. Следовательно, имеет место нарушение Статьи 13 в связи со статьей 2 Конвенции.

133. Относительно жалобы заявителей на нарушение Статей 3 и 5 Конвенции, Суд считает, что при данных обстоятельствах не встает отдельный вопрос о нарушении Статьи 13 в связи со Статьями 3 и 5 Конвенции (см. *Kukayev v. Russia*, no. 29361/02, § 119, 15 ноября 2007, и *Aziyev v. Russia*, no. 77626/01, § 118, 20 марта 2008).

VII ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

134. Статья 41 Конвенции устанавливает:

"Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

А. Возмещение материального ущерба

135. Первый, четвертый, пятый, шестой, седьмой и десятый заявители утверждали, что понесли ущерб в виде потери заработков их родственников после их ареста и последующего исчезновения. Они заявили, что Леома Мешаев и Бислан Сайдаев были безработными на момент задержания и что в таком случае расчеты делаются на основе минимального прожиточного

уровня, установленного национальным законодательством. Они рассчитали заработки в указанный период, принимая во внимание средний уровень инфляции 10%. Их расчеты основаны на актуарных таблицах для исчисления компенсационных выплат при травматизме и смертности от несчастных случаев, опубликованных Государственным актуарным департаментом Великобритании в 2004 году («Огденские таблицы - Ogden tables»).

136. Первая заявительница потребовала 85494 российских рублей (2,419 евро) в качестве компенсации материального ущерба. Она заявила, что могла рассчитывать на 20% заработков мужа.

137. Четвертый заявитель потребовал 15735 российских рублей (445 евро). Пятый заявитель потребовал 28077 рублей (795 евро). Шестой и седьмой заявители потребовали 35335 рублей (1000 евро) каждому. Она заявили, что могли бы рассчитывать на 10% заработков их отца Леомы Мешаева до достижения ими совершеннолетия.

138. Десятый заявитель указала, что могла бы рассчитывать на 30% заработков ее сына Бислана Сайдаева. Она запросила 371638 рублей (10517 евро).

139. Суд указывает, что должна существовать ясная причинно-следственная связь между ущербом, компенсации которого требует заявитель и который в соответствующих делах может включать компенсацию за потерю заработка, и нарушением Конвенции (см. *Itakayeva*, cited above, § 213). Суд считает, что здесь, в самом деле, существует прямая причинно-следственная связь между нарушением Статьи 2 в отношении родственников заявителей и потерей заявителями финансовой поддержки, которую они могли бы оказывать.

140. Принимая во внимание утверждения заявителей, Суд присуждает первой, четвертому, пятому, шестому и седьмому заявителям совместно 5500 евро и десятому заявителю 3000 в возмещение материального ущерба плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с этой суммы.

В. Возмещение морального вреда

141. Заявители, включая тринадцатого заявителя, потребовали различные суммы от 5000 евро до 50 тысяч евро каждому в качестве компенсации морального вреда за страдания, которым они подверглись в результате потери членов их семей и проявленного властями безразличия в связи с этим.

142. Правительство сочло запрошенные суммы компенсации завышенными.

143. Суд признал нарушение Статей 2, 5 и 13 Конвенции в части неизвестного задержания и исчезновения родственника заявителей. Сами заявители были признаны жертвами нарушения Статьи 3 Конвенции. Поэтому Суд признает, что им был причинен моральный ущерб, который не может быть компенсирован одним лишь фактом признания нарушений прав. Суд присуждает заявителям следующие суммы плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с этой суммы:

- (i) EUR 25,000 первому, четвертому, пятому, шестому и седьмому заявителям совместно;
- (ii) EUR 10,000 второму заявителю;
- (iii) EUR 35,000 девятому, десятому, одиннадцатому, четырнадцатому и пятнадцатому заявителям совместно.

С. Издержки и расходы

144. Заявителей представляла организация «Правовая инициатива по России». Они подали перечень понесенных издержек и расходов, включая исследования и интервью в Ингушетии и Москве по ставке 50 евро в час за составление юридических документов для внутригосударственных органов власти и по ставке 150 евро в час за подготовку замечаний в Суд. Общая требуемая сумма в части расходов и затрат по официальному представлению интересов заявителей составила 9552 евро.

145. Правительство оспорило разумность и обоснованность таких расходов. Оно задало вопрос, в частности, о том, все ли юристы, работающие в «Правовой инициативе по России», были задействованы в подготовке данного дела, и было ли заявителям необходимо пользоваться услугами курьерской почты.

146. Суду, во-первых, необходимо установить, действительно ли имели место расходы и издержки, указанные представителями заявителей, и во-вторых, являлись ли они необходимыми и разумными (см. *McCann and Others*, приведено выше, § 220, Series A №324).

147. Принимая во внимание детализацию представленных сведений и контракты на оказание услуг по официальному представлению интересов, заключенные между «Правовой инициативой по России» и первым, третьим и шестым заявителями, Суд считает указанные ставки оплаты разумными и отражающими фактические расходы, понесенные представителями заявителей.

148. Далее Суд должен установить, действительно ли расходы и издержки, понесенные в связи с ведением дела в Суде, были необходимы. Суд признает, что данное дело было относительно сложным и требовало определенной исследовательской и подготовительной работы. Однако Суд отмечает, что дело не требовало подготовки большого объема документов в связи с отказом Правительства предоставить материалы уголовного дела. Поэтому Суд сомневается в необходимости проведения исследовательской работы в объеме, указанном представителями заявителей.

149. Учитывая детализацию требований, поданных заявителями, Суд присуждает им сумму в размере 6 тысяч евро за вычетом 850 евро, полученных в качестве юридической помощи в Совете Европы, плюс НДС, если он начисляется на данную сумму.

D. Выплата процентов

150. Суд считает, что сумма процентов должна рассчитываться на основе предельной процентной ставки Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Отклоняет* предварительное возражение Правительства;
2. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 38 § 1 (а) Конвенции в части отказа Правительства предоставить запрошенные Судом документы;
3. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 2 Конвенции в отношении Леомы Мешаева и Бислана Сайдаева;
4. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 2 Конвенции в части непроведения эффективного расследования обстоятельств исчезновения Леомы Мешаева и Бислана Сайдаева;
5. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 3 Конвенции в отношении первого, второго, с четвертого по седьмой, девятого, десятого, одиннадцатого, четырнадцатого и пятнадцатого заявителей и не имеет место нарушение Статьи 3 Конвенции в отношении других заявителей;
6. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 5 Конвенции в отношении Леомы Мешаева и Бислана Сайдаева;
7. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 13 Конвенции в части предполагаемых нарушений Статьи 2 Конвенции;
8. *Постановляет*, что нет оснований отдельно рассматривать вопрос о нарушении Статьи 13 Конвенции в части предполагаемых нарушений статей 3 и 5;
9. *Постановляет*
 - (а) что Государство-ответчик должно в трехмесячный срок, начиная с даты, на которую решение Суда станет окончательным в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции, произвести следующие выплаты, конвертируемые в российских рублях по курсу на дату выплаты:
 - i. 5,500 (пять тысяч пятьсот евро) в качестве компенсации материального ущерба первому, четвертому, пятому, шестому и седьмому заявителям совместно;
 - ii. 3,000 (три тысячи евро) в качестве компенсации материального ущерба десятой заявительнице;
 - iii. 25,000 (двадцать пять тысяч евро) в качестве компенсации морального ущерба первому, четвертому, пятому, шестому и седьмому заявителям совместно;
 - iv. 10,000 (десять тысяч евро) в качестве компенсации морального ущерба второму заявителю;

- v. 35,000 (тридцать пять тысяч евро) в качестве компенсации морального ущерба девятому, десятому, одиннадцатому, четырнадцатому и пятнадцатому заявителям совместно
 - vi. 5,150 (пять тысяч сто пятьдесят евро), в оплату издержек и расходов заявителей плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате заявителями, на счет банка представителей заявителей в Нидерландах;
- (b) что со дня истечения вышеуказанных трех месяцев до даты оплаты на означенные суммы будут начисляться простые проценты в размере предельной процентной ставки Европейского центрального банка на период неуплаты плюс три процентных пункта;
10. *Отклоняет* оставшуюся часть жалобы заявителей о справедливом возмещении.

Совершено на английском языке с направлением письменного уведомления 12 февраля 2009 года в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Серен Нильсен, секретарь Секции,

Кристос Розакис, Председатель